

Н. П. Вагнер

Как я сделался писателем?

(Нечто вроде исповеди)

Вагнер Н. П. Сказки Кота-Мурлыки / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Широкова.-- М.: Правда, 1991.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Нынешней весной я получил печатное (следовательно, циркулярное) письмо от одного из членов совета С.-Петербургского комитета грамотности, г. Ледерлэ. Письмо приглашало меня принять участие в составлении списка книг общеобразовательных и тех, которые произвели на меня наибольшее, впечатление, т. е., другими словами, тех, которые послужили импульсом для моего нравственного или умственного развития. Эта задача навела меня на некоторые мысли, которые я считаю весьма полезным высказать всем, берущимся за подобные указания. Мне кажется, что здесь важна не книга, а те условия и обстоятельства, при которых она была прочитана, а главное, то душевное или умственное настроение, которое располагало читающего к тому или другому впечатлению. Всем известно, что при грустном настроении самые смешные, комические положения и сцены нисколько не кажутся смешными; напротив, при благодушном, смешливом настроении ум невольно ищет во всем, самом серьезном, комической жилки или сарказма.

Из книг на меня, 6--7-летнего ребенка, произвела сильное впечатление сказка Ершова "Конек-Горбунук", но это впечатление было чисто внешнее. Прежде всего и более всего сказка мне нравилась своей стихотворной легкой, ритмической формой. Она без труда укладывалась в моем мозгу, в моей памяти. Многое я в ней не понимал, хотя и знал наизусть. Окружающие меня дивились моей памяти и рассказывали всем, что я знаю наизусть всего "Конька-Горбунка", что далеко не было правдой,-- я знал только начало и конец, но не протестовал при заявлении о том, что я знаю сказку всю наизусть. Следовательно, первое впечатление, которое вызвало во мне литературное произведение, было вызвано его формой -- ритмической гармонией слова. Предположение к этой ритмической форме сложилось гораздо ранее, чем сказка попала в мои руки, и первое влияние здесь вовсе не зависело от книги. Оно сложилось под влиянием живого лица и живой речи, и этим я всецело обязан моей старой няньке, крестьянке Наталье Степановне Аксеновой, личности весьма своеобразной и даровитой. Восемнадцати лет она вышла замуж: и вскоре осталась вдовой, так как муж: ее был взят в солдаты и, вероятно, погиб на войне в 1812 году. Хотя положение ее -- вдовы-солдатки -- освобождало ее от крепостного неволеничества, но она охотно пошла в няньки в нашу семью и оставалась в этой семье до конца своей жизни. Она последовательно вынянчила моих сестер и брата и постоянно выказывала нам такую теплую и сильную привязанность, как будто мы все были ее собственными детьми. Простая, необразованная, но много видевшая на своем веку, она самоучкой выучилась читать и писать и читала много, а главное, много знала наизусть, из старинных песен, баллад и рапсодий, знала целые строфы из "Светланы" Жуковского и, вообще, многое из поэзии двадцатых и тридцатых годов. В больших помещичьих семьях моих родственников она схватывала и усваивала на лету многое, на чем останавливалась жизнь подрастающих молодых поколений. Бывало, в долгие зимние вечера -- когда все в доме уезжали и оставался я один с маленькими братом и сестрами, которые уже спали,-- моя нянька, сидя за своим неизменным шерстяным чулком, напевала мне вполголоса чувствительную балладу, которая начиналась словами:

Сельски девушки цветут
Красотой природной,
А другую не найдешь
Машеньке подобной.

Конец баллады был крайне сентиментальный и трагический и я помню, что я никогда не мог выслушать его без слез. Помню также старинную буколическую пастораль, также весьма сентиментальную, которая начиналась словами:

Лишь только занялась заря
И солнце осветило земной круг,